

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье раскрываются понятие и сущность судебного контроля в досудебном производстве, а также анализируются особенности его применения в производстве о принудительных мерах медицинского характера.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ отличается многими принципиальными положениями от УПК РСФСР. Одной из важных отличительных особенностей является судебный контроль в ходе досудебного производства. Необходимость его введения была обусловлена изменением приоритетов в развитии уголовного судопроизводства, направленных на обеспечение соблюдения прав и законных интересов граждан.

Как справедливо отмечает Е. Б. Мизулина, судья и суд перестали быть активной стороной, которая раньше устраняла в ходе судебного разбирательства все ошибки следствия и защиты и фактически тянула на себе бремя доказывания обвинения [1]. Новая роль суда в досудебном производстве теперь состоит в том, что помимо сферы правосудия в судебных стадиях процесса судебная власть реализует свои контрольные функции в предварительном расследовании. Как справедливо замечено профессором А. П. Гуськовой, «судебная власть, будучи одной из ветвей единой неделимой государственной власти, обеспечивает реализацию конституционной функции судебной защиты посредством восстановления нарушенных прав, ограждая тем самым конституционные права и свободы личности от незаконных действий и решений» [2].

Категория справедливости по-разному трактуется в уголовном процессе. Не вступая в научные споры по этому поводу, отметим, что справедливость правосудия заключается не только в справедливости принимаемого решения, но и в справедливости процедуры его принятия. И потому понятие справедливости всегда будет зависеть от представлений в обществе о нравственности, морали и праве. Известный русский философ и правовед И. А. Ильин отмечал, что «справедливая норма не может возлагать одинаковые обязанности на ребенка и на взрослого, на бедного и на богатого, на женщи-

ну и на мужчину, на больного и здорового...» [3]. Отсюда, по выражению А. П. Гуськовой, главным критерием вынесения решения судом является соотнесение абстрактной нормы закона с реальной жизненной ситуацией, с той личностью, которая предстает перед судом [4].

Особый подход к отдельным участникам уголовного процесса обозначен в законе в разделе XVI «Особенности производства по отдельным категориям дел», поскольку несовершеннолетние и лица, страдающие психическим расстройством, являются наиболее уязвимыми в правовом отношении категориями населения. Соответственно процессуальная форма включает в себя ряд дополнительных процедур, создающих гарантии обеспечения и соблюдения законности и обоснованности при производстве по таким делам. Однако простое существование правовых норм, закрепляющих порядок проведения предварительного следствия и судебного разбирательства, не обеспечивает их реальное применение на практике. Судебный контроль призван обеспечить строгое соответствие норм закона той процессуальной деятельности, которая осуществляется их органами.

Например, профессор Н. Г. Муратова, раскрывая понятие и сущность судебного контроля, определяет его как «организационно-упорядоченную совокупность:

- а) юридических фактов, порождающих в сфере контрольно-проверочной судебной деятельности;
- б) уголовно-процессуальных норм, регулирующих данную деятельность;
- в) судебных органов, полномочных принимать решения;
- г) уголовно-процессуальной деятельности субъектов правоотношений, возникающих при этом, направленной на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц,

обеспечивающей целостное функционирование судебной власти в уголовном судопроизводстве» [5].

Следовательно, судебный контроль представляет собой комплексный институт судебной защиты прав и свобод гражданина и реализуется посредством дачи разрешения на производство ряда процессуальных действий, способных нарушить или ограничить конституционные права и свободы гражданина (ч. 2 ст. 29 УПК); рассмотрения жалоб граждан на незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц в досудебном производстве, если они нарушили предоставленные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина (ст. 125 УПК); проверки законности следственных действий, произведенных в исключительных случаях без разрешения суда (ч. 5 ст. 165 УПК).

В производстве по делам о применении принудительных мер медицинского характера судебный контроль реализуется в первую очередь при помещении лица, страдающего психическим расстройством, в психиатрический стационар. Согласно ст. 435 УПК при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора суд в порядке, установленном ст. 108 УПК, принимает решение о переводе данного лица в психиатрический стационар. Помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар производится судом в порядке, установленном ст. 203 УПК.

Помещение обвиняемого (подозреваемого) в стационар психиатрического учреждения производится только на срок, необходимый судебным экспертам для наблюдения и полного завершения всех исследований. Вместе с тем в соответствии со ст. 30 Закона о судебно-экспертной деятельности подозреваемый или обвиняемый может быть помещен в стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней.

Решение о продлении данного срока еще на 30 дней принимает судья районного суда по месту нахождения стационара по мотивированному ходатайству эксперта или комиссии экспертов. При этом отметим, что гарантом выпол-

нения вышеназванного положения выступает ст. 47 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом».

Однако процессуальный механизм помещения лица в психиатрический стационар в отдельных вопросах требует доработки. Так, следует признать, что указанное действие можно считать мерой уголовно-процессуального принуждения в отношении рассматриваемой категории лиц. Однако законодатель при этом не конкретизирует, во всех ли случаях при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, следователь и дознаватель должны ходатайствовать о переводе данного лица в психиатрический стационар. Полагаем, что негуманно оставлять решение этого вопроса на усмотрение следователя (дознавателя). Закон должен содержать четкое предписание о заявлении ходатайства следователем или дознавателем о переводе лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, в психиатрический стационар в случае установления у него факта психического заболевания либо об освобождении из-под стражи, если отпали основания его изоляции. Определяя законность содержания под стражей лица с психическим расстройством, Европейский суд по правам человека отмечал, что оно должно протекать в больнице, клинике или другом соответствующем для данного больного учреждении [6].

К сожалению, в судебной практике нередко встречаются случаи, когда существенные нарушения в применении мер пресечения к лицу, страдающему психическим расстройством, допускаются и следователями и судами. Так, судья, принявший к своему производству уголовное дело гражданина О.В. Рябова для решения вопроса о применении к нему принудительных мер медицинского характера, оставил ранее избранную в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу без изменения, после чего О.В. Рябов еще более пяти месяцев продолжал находиться под стражей в следственном изоляторе. Кассационная жалоба на незаконность применения данной меры пресечения была рассмотрена без его участия, поскольку, по мнению суда кассацион-

ной инстанции, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает участие в судебном заседании лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера [7].

Полагаем, не совсем правильно применять положения ст. 108 УПК в части обстоятельств, указанных в ч. 1, для перевода лица в психиатрический стационар, поскольку в указанной статье акцент сделан на тяжесть совершенного деяния, тогда как применяемые меры принуждения должны соответствовать целям, которые стоят перед принудительными мерами медицинского характера.

Так, помещение лица, страдающего психическим расстройством, в психиатрический стационар в недобровольном порядке преследует две цели: медицинскую и правовую. Причем главной из них является излечение лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК, или улучшение их психического состояния. Вторая цель определяется в Научно-практическом комментарии как правовая [8] и состоит в предотвращении совершения новых опасных деяний со стороны лиц, страдающих психическим расстройством.

П. Колмаков предлагает расширительную трактовку указанной цели. По его мнению, предупреждение новых общественно опасных деяний – «это, с одной стороны, достижение такого состояния больного, при котором существенно снижается или исчезает вероятность совершения после отмены принудительного лечения новых общественно опасных деяний. А с другой – предупреждение возможности совершения таких деяний ко времени лечения» [9]. Последнее толкование, как показывает практика, зачастую носит определяющий характер при назначении принудительного лечения, а именно в выборе его вида и определении срока.

К правовой цели следует также отнести обеспечение безопасности больного, совершившего общественно опасное деяние. Прогнозирование возможного поведения лица, страдающего психическим расстройством, является прерогативой суда. Справедливости ради заметим, что подобная оценка возможна на основе мнения высококвалифицированного специалиста, которая выражается как правило в заключении эксперта-психиатра. В большинстве

случаев заключение эксперта носит вероятностный характер, однако такие сведения для суда все же являются опорными для объективной оценки характера течения болезни на всем ее протяжении и прогнозирования возможности изменения состояния в целях предвидения вероятности причинения физического вреда такими лицами самим себе.

Такая расстановка приоритетов в целях применения принудительных мер медицинского характера должна ориентировать практических работников на выполнение охранительной функции уголовного судопроизводства в процессуальной деятельности.

Полагаем, что в полной мере названным выше целям применения принудительного лечения соответствуют так называемые меры безопасности. Закон до настоящего времени не содержит ни понятия названных мер, ни их перечня, однако данный термин известен Модельному УПК для государств - участников СНГ [10]. Под мерами безопасности следует понимать: передачу больного под присмотр родственников, опекунов, попечителей с уведомлением органов здравоохранения; помещение в психиатрический стационар по мотивированному постановлению следователя, утвержденному судом. Не вызывает сомнения, что в ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами. Соответственно и решение о помещении лица в психиатрический стационар должно приниматься только судом.

В целях установления процессуального порядка помещения лица, страдающего психическим расстройством, в психиатрический стационар предлагаем ч. 2 ст. 435 УПК изложить в следующей редакции: «Помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар производится судом в порядке, установленном ст. 435.1 настоящего Кодекса». Более подробно данную процедуру следовало бы предусмотреть в новой ст. 435.1 «Помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрический стационар». Такой четко разработанный и законодательно прописанный механизм позволит своевременно, до окончания

производства по уголовному делу, проявлять заботу о лице, страдающем психическим расстройством.

В кратком анализе проблем досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера едва ли

возможно ответить на все поставленные вопросы. В заключение отметим, что возможности реализации судебного контроля как комплексного института судебной защиты прав и свобод гражданина должны быть расширены и четко определены в законе.

Список использованной литературы:

1. Мизулина, Е.Б. Поправки в УПК РФ: правовая необходимость или политическая целесообразность / Е.Б. Мизулина. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и мат./ отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. – М.: Норма, 2007. С.102.
2. Гуськова, А.П. Уголовно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина посредством реализации судебного контроля. Избранные труды / А.П. Гуськова. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2007. С. 584.
3. Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) / И.А. Ильин // Правоведение. 1992. №3. С. 94.
4. Гуськова, А.П. Там же. С. 585.
5. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории законодательного регулирования и практики: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 5.
6. См.: Егоров, С.Е. Права человека в уголовном процессе: международные стандарты и российское законодательство. М., 2006. С. 149.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. №4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 апреля 2005. N 14. Ст. 1271.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В.М. Лебедев. Варшава, 1997. – С. 212.
9. Колмаков, П. Понятие и сущность принудительных мер медицинского характера // Уголовное право. №3. 2003. – С. 27.
10. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ: Рекомендательный законодательный акт (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г.)/ Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. СПб.: Приложение к «Информационному бюллетеню», 1996. №10. С. 353.